

6.) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ первой пѣсни Поэмы

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

(Русланъ ѳдешь опыскивать свою молодую супругу, похищенную волшебникомъ Черноморемъ, находишь спараго пуспышника, который открываетъ ему будущее и приглашаешь оспаться почевать въ своей пещерѣ.)

Русланъ на мягкой можъ ложился
Предъ умирающимъ огнёмъ ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ ,
Вздыхаетъ, медленно вертится ;
Напрасно! вишнѣзъ наконецъ :
,,Не спится чѣ-то , мой отецъ ,
Чѣпо дѣлать ? боленъ я душою : —
И сонъ не въ сонъ , какъ тошно жить !
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою !
Прости мнѣ дерзоспинный вопросъ !
Опкройся , кто ты благодатный ,
Судьбы наперсникъ непонятный ?
Въ пуспышню — кто тебя занесь ? “ —
Вздохнувъ съ улыбкою печальной ,
Спарикъ въ оливѣтъ : „любезный сынъ ,
Ужъ я забылъ отчизны дальний
Угрюмый край ! природный Финъ ,
Въ долинахъ намъ однимъ извѣстныхъ

Гоняя спадо сель окрестныхъ ,
 Въ безпечной юношии я зналъ
 Однѣ дремучія дубравы ,
 Ручьи, пещеры нашихъ скаль ,
 Да дикой бѣдности забавы .
 Но жиіть въ отрадной пишинѣ
 Дано не долго было мнѣ ;
 Тогда близъ нашего селенья ,
 Какъ милый цвѣтъ уединенъя ,
 Жила Наина. Межъ подругъ
 Она гремѣла красоппою ;
 Однажды — упренней порою
 Свои спада на племный лугъ
 Я гналъ, волынку надувая.
 Одна, красавица младая
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина
 Ахъ , витязь ! то была Наина !
 Я къ ней — и пламень роковой
 За дерзкій взоръ мнѣ быль наградой ,
 И я любовь узналъ душой
 Съ ея небесною отрадой ,
 Съ ея мучительной поской
 Умчалась года половина ;
 Я съ препепомъ открылся ей ,
 Сказалъ : „люблю тебя , Наина !“
 Но робкой горести моей
 Наина съ гордостью внимала ,
 Лишь прелести свои любя ;

И равнодушно отвѣчала:
 „Паспухъ, я не люблю theeя!“ —
 И все мнѣ дико, мрачно спало:
 Родная куща, тѣнь дубровъ,
 Веселы игры пастуховъ,
 Ничто тоски не утѣшало,
 Въ уныни сердце сохло, вяло; —
 И наконецъ задумалъ я
 Оспавить Финскія поля,
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной брапской переплыть,
 И бранной славой заслужить
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
 Искашь опасноснѣй и злата.
 Внѣвые тихій край опцовъ
 Услышалъ банный звукъ булаты
 И шумъ немѣрныхъ членоковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ полной безспрашныхъ земляковъ;
 Мы десять лѣтъ сиѣга и волны
 Багрили кровью враговъ;
 Молва неслась — Цари чужбины
 Спрашились дерзоспии мои! .
 Ихъ горделивыя дружины
 Бѣжали сѣверныхъ мечей:
 Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣженными садились

За дружелюбные пиры! —
 И сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ битвы и пироў
 Томилось тайною кручиной,
 Искalo Финскихъ береговъ.
 „Пора домой!“ — сказалъ я: „други,
 Повѣсимъ праздныя кольчуги
 Подъ сѣнью хижины родной
 Сказалъ — и весла зашумѣли,
 И страхъ оставилъ за собой,
 Въ заливъ опчины дорогой
 Мы съ гордой радостпью влѣпѣли. —
 Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылись пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты! —
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленный,
 Кораллы, злапо и жемчугъ.
 Предъ нею спраспьюupoенный,
 Безмолвнымъ роемъ окруженнный
 Ея зависпливыхъ подругъ,
 Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ —
 Но двѣ скрылась отъ меня,
 Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
 „Герой! я не люблю тебя!“ —
 Русланъ, не знаешь ты мученья
 Любви отверженный на вѣкъ;
 Увы, ты не сносилъ презрѣнья —

И члпо же , спранный , человѣкъ !
 И ты жь шоскою сердце губиши !
 Счастливецъ , ты любимъ , какъ любиши !
 Къ чему разсказывашъ , мой сынъ ,
 Чего пересказалъ нѣтъ силы ? —
 Ахъ ! — и теперь одинъ , одинъ ,
 Душой уснувъ , въ дверяхъ могилы ,
 Я помню горестъ — и порой ,
 Какъ о минувшемъ мысль родится , —
 По бородѣ моей сѣдой
 Слеза пижелая катится ! —
 Но слушай : въ родинѣ моей
 Между пустынныхъ рыбарей
 Наука дивная таится ;
 Подъ кровомъ вѣчной пишины ,
 Среди лѣсовъ , въ глухи далекой
 Живутъ сѣдые колдуны ,
 Къ ученью мудросии высокой
 Всѣ мысли ихъ успремлены ;
 Все внимаетъ голосъ ихъ ужасный
 Что было и не будешь вновь ,
 И грозной волѣ ихъ подвластны
 И гробъ и самая любовь ! —
 И я любви искашель жадной
 Рѣшился въ грустни безопрадной
 Наину чарами привлечь ,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебствами зажечь .
 Спѣшиль въ объятія свободы ,

И памъ въ ученыи колдуновъ
 Провелъ невидимые годы.
 Наспалъ давно желанный мигъ —
 И тайну страшную Природы
 Я свѣплой мыслю поспигъ —
 „Узналь я силу заклинаньямъ!
 — Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Наина, ты моя!
 Побѣда наша!“ — думалъ я
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
 Былъ рокъ, упорный мой гонителъ!
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Въ воспорѣ пылкаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ и — виноватъ —
 Безумный, дерзостный грабишель,
 Доспойный Черномора братъ, —
 Я сталъ Наины похититель:
 Лишь загадаль — во цѣмъ лѣсной
 Стрѣла промчалась громовая;
 Волшебный вихорь поднялъ вой;
 Земля вздрогнула подъ ногой —
 И вдругъ? — сидитъ передо мной
 Спарушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ присучей головой,
 Печальной ветхоспли картина —
 Ахъ, випязь! — то была Наина!
 Я ужаснулся — и молчалъ;

Глазами страшный призракъ мѣриль,
 Въ сомнѣни все еще не вѣриль ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ :
 „Возможно-ль? ахъ! Наина, ты ли?
 Наина! гдѣ твоя краса?
 Скажи: ужели Небеса
 Тебя такъ спрашно измѣнили?
 Скажи: давноль, оставя свѣтъ ,
 Разспался я съ душой и съ милой ?
 Давно-ли?“ „Ровно сорокъ лѣтъ!
 Быль дѣвы роковой опѣтъ.
 Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
 „Что дѣлать?“ мнѣ пищипъ она ;
 Толпою годы пролеїли ,
 Прошла моя, твоя весна —
 Мы оба постарѣть успѣли.
 Но что-же? право не бѣда
 Невѣрной младости упратла!
 Конечно: я теперь сѣда ,
 Немножко, можетъ бысть, горбата ,
 Не то, что въ спарину была; —
 Не такъ мила, не такъ мила ,
 „За то,“ прибавила болтунья
 (Открою тайну,) я колдунья!“
 И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Нѣмый, недвижный передъ нею ,
 Я совершенный быль дуракъ;
 Со всей премудростью мою. —
 Но вотъ забавно: — колдовство
 Вполнѣ свершилось по несчастию;

Мое съдое божество
 Ко мнѣ пылало сильной спраспью.
 Могильнымъ голосомъ уродъ ,
 Скрививъ улыбкой спрашный ропъ ,
 Бормочепъ мнѣ любви признанье :
 Вообрази мое спраданье !
 Я трепеталь, попупя взоръ;
 Она же съ кашлемъ продолжала
 Тяжелый, спраспный разговоръ:
 „Такъ сердце я теперъ узнала ,
 Я вижу, вѣрный другъ! оно
 Для нѣжной спраспи рождено.
 Проснулись чувства! я сгараю !
 Томлюсь желаньями любви. . .
 Приди въ объятія мои!
 О милый, милый! — умираю.“ — . . .
 И между тѣмъ она, Русланъ,
 Косилась томными глазами;
 И между тѣмъ — за мой кафтанъ
 Держалась тощими руками;
 И между тѣмъ, — я обмираль ,
 Отъ ужаса зажмуря очи —
 И вдругъ терпѣть не спало мочи,
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ! —
 Она во слѣдъ: „о недоспойный !
 Ты возмущилъ мой вѣкъ спокойный ,
 Невинной дѣвы ясны дни !
 Добился ты любви Наины —
 И презираешь! волъ мужчины:

*

Измѣной дышупъ всѣ они !
Увы, сама себя вини !
Онъ обольстилъ меня, несчастной !
Я отдалась любови спраспиной —
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ! —
Но пропеши, дѣвичій воръ!“ —
Такъ мы разспались съ этихъ поръ.
Живу въ моемъ уединенны
Съ разочарованной душой
И въ мѣрѣ спарцу утѣшенье
Природа, мудроспль и покой!“

Александръ Пушкинъ.

КЪ МОЕМУ ПИТОМЦУ.

Юноша съ свѣжей душой выступаетъ на
поприще жизни;
Полный пылающихъ думъ, дерзостный
въ гордыхъ мечтахъ,
Съ мѣромъ бороться готовъ, и сразить и
судьбу и печали !
Но безмолвныя, ждущъ скуча и время
его ,
Сушатъ сердце , хладятъ его умъ и вя-
жутъ пареные ;
Гаснетъ любовь ! и одна дружба опъ
самой зари